

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СОВРЕМЕННОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПРАВО
И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ»**

Институт государства и права РАН, г. Москва

29-30 ноября 2017 г.

ЗНАЧЕНИЕ ВИНЫ КРЕДИТОРА В ДЕЛАХ О ВЗЫСКАНИИ УБЫТКОВ

Юрий Монастырский

В журнале «Вестник арбитражного суда Московского округа» № 2 за 2017 год в своем интервью наш дорогой юбиляр говорила о важности такого средства правовой защиты, как присуждение убытков, а также о неочевидной нужности таких нововведений, как плата за отказ от договора или возмещение потерь. Мое выступление будет касаться роли анализирования неосторожности истца (небрежности), влекущей снижение его ответственности.

Во времена расцвета российско-германской дружбы до Первой мировой войны эту тему попробовал раскрыть известный отечественный правовед профессор Т.М. Яблочков. В 1910-1913 гг. он работал в Берлине, а также в Базельском и Женевском университетах. Проведя нескольких лет в этих «питомниках научных кадров», важных центрах правовой мысли ученый на основе накопленного материала сначала написал докторскую диссертацию, а затем выпустил двухтомник «Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков» (Ярославль, 1911 г.). Тот, кто встречался с этой работой, наверняка может припомнить, что она по сути представляет собой в основном обзор германской доктрины с обширным, безбрежным цитированием оригинальных текстов на немецком языке, в котором растворены комментарии автора. Человеку, не знающему немецкого, читать это непросто. Скажем больше: в значительной степени затруднительно. С тех пор больших трудов на обозначенную тему не появлялось, хотя ряд авторитетных правоведов затрагивали ее в своих работах, посвященных убыткам.

Институт вины кредитора эволюционировал по мере изменения масштаба и сложности имущественного обмена. Сначала не только в нашей стране, но и в других юрисдикциях кредиторский умысел либо небрежность давали повод для отказа в присуждении должника к ответственности. Такая норма (ст. 404) существовала в ГК 1922 г. РСФСР и подвергалась критике еще в 40-х и 50-х гг. видными отечественными цивилистами М.М. Агарковым и Б.С. Антимоновым, которые говорили, что тем самым нарушитель социалистической законности получал полную индульгенцию от собственных предосудительных действий и что ответственность предпочтительней снижать.

В ГК современной России лишь безусловный умысел освобождает от несения последствий деликта. В общих случаях нерадивости кредитора размер убытков может быть

по усмотрению суда только снижен (ст. 404, 1083 ГК), а применительно к лицу, связанному безвиновной ответственностью за вред, суд вправе отказать в возмещении при грубой неосторожности. К тому же при способствовании неисполнению обязательств до появления убытков, убытки должны быть уменьшены и усмотрение действует лишь в пункте определения предела такого уменьшения, а при пассивности либо совершении действия, приводящего к увеличению убытков, суд только вправе, но не обязан прибегнуть к варьированию величины присуждения. Такие формулировки дают некоторым комментаторам повод рассуждать о необязательности в последних двух случаях говорить о вине кредитора как условии такой корректировки масштаба ответственности. И мы на практике сталкиваемся с неприятными эпизодами, когда убытки не в полной мере возмещаются с возражением и риторикой о необходимости доказывать принятие уменьшающих их мер.

В последнее время к тематике вины кредитора обращались следующие авторы: профессор О.Н. Садиков, доцент В.В. Байбак (у него вышла статья на эту тему, опубликованная в Вестнике ВАС №7, 2012 г. «Уменьшение убытков при нарушении договора»), профессор А.Г. Карапетов. Можно говорить об отсутствии плодотворной научной полемики по данному вопросу, несмотря на то, что ст. 404 самым активным образом применяют суды. Ее и ст. 1083 ГК РФ, относящуюся к исследуемой теме, именуют «содержащими нормы о смешанной вине». Это благозвучное название содержит в себе неточность и даже дезинформацию: упомянутое правовое положение для коммерческого оборота позволяет говорить не о смешанной вине, а об умысле и неосторожности кредитора, его собственной небрежности. Профессор Т.М. Яблочков предлагал другое выражение – «самовина», которое не получило распространения, может быть, в силу его неблагозвучия.

Указанные статьи ГК 404 и 1083 содержатся в главе об ответственности за нарушение обязательств, но убытки взыскиваются не только за их неисполнение. Ошибкой будет считать, что обязанность не усугублять ущерб, упущенную выгоду вытекает только из деликта, неосновательного обогащения и договора как главного источника обязательств. В ст. 15 ГК закреплено важнейшее правило о полном возмещении убытков, имеющее универсальный смысл, как совпадение объема утраченного и неполученного и его денежного эквивалента. Норма, как более общая, закрепляет это правило не только для обязательств, она же – правовая база для снижения размера убытков ввиду вины кредитора вообще.

Виновность выступает необходимым законодательным критерием уменьшения убытков. Она в этом случае является конкретизированной противоправностью потерпевшего, который обязан нести доступные дополнительные расходы для уменьшения произошедших и будущих потерь от несоблюдения другой стороной обязанностей.

Вызывает сомнение, что кредитор связан требованием предпринимать любые, даже экстраординарные действия для уменьшения убытков, в том числе до их возникновения с целью их упреждения. Есть не вполне убедительное мнение, что потерпевшая сторона должна побуждаться сразу за нарушением следовать за сюжетом неисполнения, не дожидаясь появления убытков, как это действительно происходит в странах общего права. Вряд ли данный подход подойдет для судов, которые в качестве приоритетного считают такое средство правовой защиты, как исполнение в натуре, принцип «*parata sunt servanda*», означающий связанность договорными обязательствами за исключением непредотвратимых и иных непредвиденных обстоятельств.

Имеются другие различные обоснования, почему кредитор должен действовать именно в направлении уменьшения убытков. Чаще всего говорится о том, что это выводится из обязанности добросовестности (ст. 10 ГК). Получается, что когда кто-либо страдает от пренебрежительного отношения к своим обязанностям другого лица, причиняющего ему ущерб по договору или вне таких отношений, должен в силу именно добросовестности, обычно предписанной уровню отношения к собственному исполнению обязанностей, принимать меры к уменьшению убытков. Этот тезис приводит отчасти к абсурду, так как заключается в оказании всевозможной помощи нарушителю, который, например, умышленно покусился на чужую имущественную сферу. Иными словами, некоторые понимают, что незлоупотребление правом, добросовестность, заключаются в поощрении или смягчении ответственности того, кто стал причиной несчастья и претерпевания обычного субъекта имущественного оборота.

Критерий именно вины для определения того, являлась ли пассивность потерпевшего правомерной, гораздо более актуален, нежели абстрактная недобросовестность. Получается, что более узкое понятие заменяется на более широкое, универсальное, не вполне правовое, с нечеткими пределами, и вряд ли это можно считать удачным решением. Как отмечено, вина – правовая категория, гораздо более разработанная в юридической науке и практике. Не то что бы она была четкой и всегда разграничивала бы действия и поступки на «хорошие» и «плохие», однако она имеет более длительную правовую разработку.

Мы за тех, кто полагает, что уменьшение убытков возможно только в случае вины потерпевшего и, более того, зависит от ее интенсивности, степени, серьезности. Нельзя понижать ответственность должника, если только случайными действиями кредитора убытки увеличились. Тем самым будет подорвана восстановительная функция гражданского права, его, не побоимся этого слова, основная миссия. Как минимум, подвергнется девальвации главнейшее средство защиты – возмещение убытков. Оно почти всегда будет частичным и неполным, будет вести к утрате своей привлекательности, универсальности, востребованности и т.д.